

Едва покинув кабинет, Лу Силай бросился прочь, словно за ним гнались все демоны преисподней. Он миновал галерею, как вдруг откуда-то сверху раздалось утробное «мяу», и на плечи ему обрушилась тяжелая туша. Это Яньнань, верный лесной котяра, решил приземлиться хозяину прямо на загривок.

В этой дикой горной кошке было добрых десять килограммов живого веса. От такого внезапного десанта Лу Силай едва не растянулся на полу, а в шее неприятно хрустнуло. Кое-как удержав равновесие, он ухватился за ближайшую колонну, поудобнее перехватил Яньнаня и, не сбавляя темпа, припустил к своей комнате.

Заскочив внутрь, он с силой захлопнул дверь и привалился к ней спиной, пытаясь отдышаться. Яньнань, недовольно заерзав, вырвался из объятий и спрыгнул на пол. Кот вальяжно прошествовал к залитому солнцем пятачку и свернулся там калачиком, а вот Лу Силай еще долго не мог прийти в себя.

«Разве не сам Янь Шэнь твердил, что я и мизинца его не стою?» — мысли в голове путались, а лицо горело. — «Так с чего бы ему в последнее время лезть с объятиями да поцелуями? Он что, с ума сошел?»

Лу Силай прижал ладони к пылающим щекам, не понимая, кто из них двоих лишился рассудка — великий премьер-министр или он сам. Наконец он тяжело вздохнул и, понурился, побрел к кровати.

«Хватит. Не смей больше о нем думать».

Ночь выдалась тревожной. Лу Силай метался на промокших от пота простынях, то и дело проваливаясь в вязкое, мутное забытие, из которого не было выхода.

В какой-то момент ему почудилось, будто он вышел из комнаты. Во дворе, залитом призрачным светом, горели тысячи красных свечей. Под плакучей ивой, чьи ветви едва заметно колыхались на ветру, сидел Янь Шэнь. Он лениво перебирал струны циня. Завидев гостя, Янь Шэнь прижал ладонь к струнам и мягко, едва заметно улыбнулся. Улыбка его была столь ослепительна, что луна бы скрылась за тучами от зависти, а цветы понурили бы бутоны от стыда.

— Как тебе такая обстановка? Достаточно ли в ней чувств?

В голове у Лу Силая словно что-то взорвалось. Рассудок покинул его, и он, поддавшись необъяснимому порыву, сделал шаг навстречу.

Декорации сменились в мгновение ока. Теперь Янь Шэнь лежал среди густых цветов. Его черное одеяние, расшитое алыми мейхуа, было наполовину распахнуто, открывая взгляду бледную кожу. На его лице играл лихорадочный румянец, он мучительно нахмурился и смотрел с невыносимым томлением.

То, что он громко сглотнул в тишине, показалось Лу Силаю верхом позора.

Он приник к безупречному лбу Янь Шэня, целуя его, вдыхая его аромат. Несколько прядей волос рассыпались по плечам, доводя вождение до предела. Лу Силай покрывал поцелуями грудь Янь Шэня — она казалась ледяной, но в голове у самого Лу Силая бушевал пожар.

— Линь... ах... Линь Яньдун...

Голос Янь Шэня сорвался на высокой ноте, и Лу Силай окончательно потерял связь с реальностью. Струна внутри него натянулась и лопнула. Он не чувствовал ни страха, ни потрясения от содеянного — лишь прижимал к себе этого человека, повторяя его имя как заклинание:

— Янь Шэнь... Янь Шэнь...

Ощущение щекочущих ухо волос было до пугающего реальным. На пике этого сладостного безумия в душе Лу Силая вдруг разверзлась пустота — глубокая и тоскливая. Будто он прикоснулся к чему-то, что было заперто слишком долго. Будто обрел то, чего никогда не чаял получить.

Радость была безмерной, но совершенно призрачной.

Он обнимал его, боясь выпустить хоть на миг, и вдруг подумал: «Неужели это сон?»

Время, словно в ответ, замерло. В ту самую секунду, когда Лу Силай в нерешительности ослабил хватку, Янь Шэнь посмотрел ему прямо в глаза и отчетливо, разделяя каждое слово, спросил:

— А ты действительно Лу Силай?

«Я — Лу Силай?»

Вопрос ударил в лицо ушатом ледяной воды. Жар мгновенно сменился ознобом.

В тот же миг лопнули струны циня, погасли свечи, рухнула ива, и травы обратились в прах. Окружающий мир рассыпался, погружаясь во тьму. Лу Силай, задыхаясь от ужаса, рванулся к Янь Шэню, хотел схватить его за плечи, но руки лишь рассекли пустоту.

Он смотрел на свои дрожащие пальцы, и невыносимая боль в сердце сдавила грудь, не давая вздохнуть.

— Янь Шэнь!

Собственный крик, оглушительный и хриплый, вырвал его из плена грез. Свет снова ударил по глазам.

Он просто открыл глаза.

За окном весело щебетали птицы. Лу Силай еще долго лежал, уставившись в потолок и судорожно хватая ртом воздух, пока не осознал — это был всего лишь сон.

— Мяс...

Причиной его ночного кошмара оказался Яньнань. Кот вольготно устроился прямо у него на груди, придавив так, что дышать стало тяжело. Удивительно еще, как его не хватил сонный паралич. Заметив, что хозяин проснулся, Яньнань прошелся шершавым языком по его лбу. Только тогда Лу Силай понял, что весь взмок.

«Ну и дурак же ты... Раскатал губы, глядите-ка на него».

Откинув одеяло, он обнаружил, что простыни влажные. Лу Силай помрачнел. Без пяти минут тридцатилетний мужчина, а ведет себя как зеленый юнец... Он твердо решил, что в ближайшие дни будет обходить Янь Шэня за версту. Он никогда не претендовал на звание благородного мужа и признавал: еще пара таких провокаций со стороны премьер-министра — и он просто не выдержит.

Сбежав на кухню и скормив коту кусок мяса, Лу Силай поспешил во дворец. Однако у ворот императорской опочивальни его бесцеремонно остановила стража. Он не поверил, что государь не желает его видеть, и уже собирался вступить в спор, когда из дверей быстро вышел евнух Лю.

— Господин Линь, прошлой ночью императору стало совсем худо...

— Ах...

Заметив испуг на лице гостя, Евнух Лю поспешил добавить:

— Но лекари трудились всю ночь, и сейчас его величеству полегчало. Он уснул.

Лу Силай с облегчением выдохнул. Поблагодарив евнуха, он в некотором унынии побрел прочь.

Его беспокоило, успеет ли император поправиться к юбилею Хэ Юйху. В спальню его не

пустили, возвращаться в поместье премьер-министра он пока не решался, а Девятый принц в этот час наверняка корпел над книгами под присмотром нового наставника. Делать было решительно нечего. Лу Силай побродил по дворцовым переходам, заглянул на императорскую кухню перекусить и, прихватив пару маньтоу, уселся на корточки у пруда в саду.

Он крошил хлеб в воду, наблюдая, как разноцветные карпы, толкаясь и плещась, кидаются на каждое белое облачко.

Глядя на расходящиеся круги, он невольно снова погрузился в воспоминания.

В его сне Янь Шэнь играл на цине... Но разве Янь Шэнь когда-нибудь прикасался к инструменту? За те семь лет, что Лу Силай прожил в этом мире, он редко увлекался кем-то всерьез, но бывало и такое. Когда-то в Цзиньлине он с первого взгляда влюбился в юношу из Терема Драгоценного Феникса. Каждый день он писал стихи на шелковых платках и тайком передавал их предмету своего обожания, пока однажды тот сам не вышел ему навстречу. С тех пор, взяв имя Юинь, он пел под его игру, слагая тексты прямо на ходу, и даже стал в тех краях знаменит... Но чем всё закончилось?

Именно после той истории Лу Силай научился не прикипать сердцем. Любоваться красотой мимоходом — пожалуйста, но никогда не оглядываться, покидая «цветочный квартал».

Он подавил тяжелый вздох и зажмурился.

«Стоит остаться одному, как сразу тянет на тоскливые раздумья. Совсем как те кабинетные поэты, что высасывают горе из пальца, лишь бы придать строкам веса».

Он прожил эти годы под чужим именем не для того, чтобы тонуть в меланхолии. Его целью была долгая и яркая жизнь, а не самобичевание среди теней прошлого.

Лу Силай отряхнул руки. Ноги затекли, и когда он попытался подняться, то вдруг заметил в отражении на воде, поверх своего лица, чью-то фигуру в розовом.

Сердце екнуло. Он резко обернулся.

Перед ним стояла незнакомая дама. Она выглядела статно и благородно: высокая прическа, украшенная шпильками-буяо, дорогие ткани, исполненные достоинства манеры... Очевидно, какая-то высокопоставленная особа из гарема.

Лу Силай поспешно отвесил поклон. Дама мягко улыбнулась:

— Лицо господина мне незнакомо. Мы прежде не встречались. Вы служите во внешних ведомствах?

— Я... — Лу Силай только открыл рот, чтобы ответить, как из-за спины женщины показались черные сапоги.

— Матушка, какие еще внешние ведомства? Это же любимчик отца.

Услышав этот до омерзения знакомый голос, Лу Силай невольно поморщился. Он поднял взгляд и столкнулся с ледяной ухмылкой наследного принца.

Значит, перед ним сама императрица Лян. Оставалось лишь гадать — случайная это встреча или намеренная охота за его головой. Лу Силай решил не искушать судьбу и со всем почтением согнулся в глубоком поклоне:

— Ничтожный слуга Линь Яньдун приветствует ее величество императрицу и его высочество наследного принца.

Чжао Иинь лишь холодно фыркнул. Однако императрица, вопреки ожиданиям, была само дружелюбие:

— Ах... так вы и есть наставник Линь.

— Матушка, какой он наставник? Он давно уже бросил это дело. Теперь он — «личный императорский фаворит-льстец», самый влиятельный человек при дворе, — съязвил принц.

— Ах ты, негодник, всё тебе лишь бы языком чесать, — императрица притворно рассердилась на сына и снова повернулась к Лу Силаю: — Господин Линь, что же вы здесь делаете в одиночестве?

— Я... я... — Лу Силай от такой неожиданной доброты впал в ступор и, запинаясь, выдал: — Рыб кормлю.

Императрица Лян прикрыла рот ладонью, не в силах сдержать смешок.

Принц же, одарив его презрительным взглядом, нетерпеливо потянул мать за рукав:

— Пойдемте, матушка.

Женщина кивнула и, прежде чем уйти, снова одарила Лу Силая безупречной улыбкой:

— Мы слышали, императору нездоровится, и этот ребенок извелся от беспокойства, всё порывался навестить отца. Прошу простить нас, господин Линь. Доброго вам дня.

Когда процессия скрылась из виду, Лу Силай снова отвесил поклон, провожая их взглядом.

«Должно быть, она из очень знатной и древней семьи. Насколько же ее манеры и выдержка отличаются от скверного характера ее сына». От мысли, что среди императорских жен встречаются столь достойные женщины, на душе у него потеплело.

Едва он расслабился и присел на большой валун у воды, как прямо над ухом раздался голос:

— Тебе нравятся женщины за сорок? Лишь бы лицом была мила?

— Я... — Лу Силай едва не проглотил язык от неожиданности. Он буквально подскочил на месте и отпрянул в сторону: — Янь Шэнь?!

Заметив, как тот шарахается от него, словно от прокаженного, Янь Шэнь нахмурился:

— Дворцовые стены глубоки, словно море, а императрица — фигура далеко не простая. Будешь и дальше разгуливать с душой нараспашку — погубят, глазом моргнуть не успеешь.

Лу Силаю стало не по себе. Он-то привык считать, что врёт на каждом шагу, а Янь Шэнь, выходит, видел его насквозь. К тому же, сам премьер-министр был из тех, кто не успокоится, пока не разобьет лоб о стену.

Спрятав смущение за маской безразличия, Лу Силай спросил:

— А ты что здесь забыл?

— Только что закончилось собрание. Шел к императору, — сухо ответил Янь Шэнь.

Лу Силай хотел было предупредить, что государь спит, но премьер-министр продолжил:

— Ты знаешь, что вчера император издал указ о низложении наследного принца?

— Ого! Вот оно что...

Теперь стало ясно, почему этот заносчивый Чжао Иинь сегодня так смиренно тащил матушку к отцовскому одру. Видимо, почва под ногами закачалась.

Но вот что странно: почему император решился на это сейчас? До сих пор он всегда уходил от этой темы и сохранял полное спокойствие.

«Впрочем, не важно. Поделом этому мерзавцу».

Лу Силай довольно усмехнулся и беззаботно свистнул:

— Меня это не касается... Но всё же, почему император вдруг передумал?

— Сердце монарха — загадка, — Янь Шэнь покачал головой. — Говорят, вчера во время прогулки в саду император едва не упал в пруд. А после того как указ был подписан, его величество внезапно лишился чувств от гнева. — Он быстро огляделся и понизил голос: — Возвращайся-ка ты в поместье. На улице нынче неспокойно.

Янь Шэнь наклонился почти к самому его лицу, и Лу Силай почувствовал, как щеки снова заливают краска. Он поспешно отвернулся и замахал веером:

— Хорошо, хорошо.

К счастью, Янь Шэнь ничего не заметил и быстро зашагал в ту сторону, куда ушла императрица.

Лу Силай смотрел ему вслед. Движения веера становились всё медленнее, пока он окончательно не сложил его с громким щелчком.

Он собирался послушаться и вернуться домой, но ноги сами понесли его в сторону Императорской академии. С тех пор как у Девятого принца появился официальный учитель, Лу Силай совсем перестал навещать мальчика. Однако не успел он дойти до ворот академии, как сзади раздался крик:

— Господин Линь! Господин Линь!

Его догонял запыхавшийся маленький евнух.

— Господин Линь... Фух... Ее величество императрица просит вас пожаловать к ней.

<http://bllate.org/book/17426/1696733>